

Когда меня не стало
Крылья страха
Выхожу тебя искать
Волчья ягода
Мне давно хотелось убить
Саван для блудниц
Черное платье на десерт
Девушка по вызову
Рукопись, написанная кровью
Парик для дамы пик
Пикник на красной траве
Шоколадный паж
Роспись по телу
Этюд в розовых тонах
Последняя защита адвоката, или Плюшевый свидетель
Услуги особого рода
Яд Фаберже
Комната смеха
Мальтийский апельсин
Виртуальный муж
Японская молитва
Цветы абсолютного зла
Страна кривого зазеркалья
Платиновая леди
Танцующая на волнах
Свергнутая с небес
Гламурная невинность
Древний инстинкт
Женщина-ветер
Нирвана с привкусом яда
Правда о первой ночи
Дама из Амстердама
Игры с темным прошлым
Властелин на час
Белоснежный лайнер в другую жизнь
Бронзовое облако
Самый близкий демон
Первая жена Иуды
Delete
Хроники Розмари
Солнце в ночном небе
Ледяное ложе для брачной ночи
Подарок от злого сердца
День без любви
Печальная принцесса
Призрак Монро

Персиковый мед Матильды
Издержки богемной жизни
Вспомни обо мне
Красное на голубом
Сердце химеры
Госпожа Кофе
Дождь тигровых орхидей
Миф Коко Банча
Одинокие ночи вдвоем
Алый шар луны
Черника на снегу
Девять жизней Греты
Смерть отключает телефон
Шестой грех
Меня зовут Джейн
Звезды-свидетели
Витамин любви
Две линии судьбы
Когда остановится сердце
Призраки знают все
Аромат желания
За спиной – двери в ад
Тайная любовь Копперфильда
Любовница не по карману
Красивая, богатая, мертвая...
Пожиратели таланта
Черный пасодобль
Серебряная пуля в сердце
Незнакомка до востребования
Ангел в яблоневом саду
Из жизни жен и любовниц
Тринадцатая гостя
Прекрасный возраст, чтобы
умереть
Приговоренный к жизни
Признания грешницы
Дом на берегу ночи
Ведьма с зелеными глазами
Пленница чужих иллюзий
Девушка, не умеющая ненавидеть
Цветок предательства
Мишень для темного ангела
Грех и немножко нежно
Если можешь – прости
Убийство в соль минор
Уставшая от любви
Плата за роль Джульетты
Одно преступное одиночество
Слезинка в янтаре
Проклятие Клеопатры
Сколько живут донжуаны
Любовь насмерть

АННА
ДАНИЛОВА

СЕРДЦЕ ХИМЕРЫ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Дизайн серии *С. Прохоровой*

Художественное оформление *К. Гусарева*

Д18 **Данилова, Анна Васильевна.**
Сердце химеры / Анна Данилова. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с. — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой).

ISBN 978-5-04-099558-5

Когда-то в трех квартирах на одной лестничной площадке жила большая семья. Потом она переехала, жилплощадь купили другие люди, не подозревавшие, что все три квартиры связаны потайными дверями... Да полно, потайными ли? Или новые жильцы только делают вид, что живут сами по себе, а на самом деле, прячась друг от друга, проникают в чужие жилища, ведя незаметную слежку за соседями? И причиной всему — страсть: жгучая, пряная, мучительная неразделенная любовь, соединяющая в трагический любовный треугольник сорокалетнего мужчину, юную девушку и зрелую женщину...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099558-5

© Данилова А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

«Ее убили 27 сентября. Выстрелом в голову, вернее, в шею, в горло... Преступник промахнулся, целясь, вероятно, в висок...

Убили мою любовь, мою жизнь, мою Лору. Ее окровавленное тело нашли прямо во дворе дома, где жили ее родители и где так часто любила бывать она сама. Ночной прохожий наткнулся на нее, прикрытую мягкими осенними листьями... Была ночь, во дворе дома не горел ни один фонарь. Прохожий, как он после скажет, словно почувствовал что-то нехорошее, и сердце защемило...

Утром меня арестовали, вернее, задержали по подозрению в убийстве. По той лишь причине, что перед смертью Лора позвонила мне, а я ответил ей. Но разве этого достаточно, чтобы обвинить меня в столь тяжком преступлении? И разве только у меня была причина ее убивать?

Они позвонили ранним утром ко мне в дверь и потребовали, чтобы я пошел с ними. Как это ни странно, разговор происходил на

кухне в квартире Лориных родителей. Это ли не насмешка судьбы? В квартире, где мне был знаком каждый предмет, каждая вещь... Отвечая на вопросы, я то и дело посматривал на дверь, ожидая, что вот-вот на пороге появится Лора, в своем коротеньком розовом халатике, и лицо ее при виде меня если не просияет, то, во всяком случае, примет удивительно-радостное выражение. Она всегда радовалась моему приходу. Если, конечно, знала, что я пришел. В те часы и минуты, что я проводил здесь, когда никто не знал об этом, мысли ее были заняты кем угодно, но только не мной. Лора была замужем и имела двух любовников (официальных). И я сделал все возможное и невозможное, чтобы всегда быть с ней рядом, чтобы быть в курсе ее бурной личной жизни, чтобы пропитаться всеми ее мыслями, чувствами, желаниями, проблемами, радостями и печальюми...

Конечно, любой поступок, любую фантазию зрелого мужчины можно опознать парой фраз, это так, и я это отлично понимаю. И сказать с уверенностью, что то чувство, что я питал к Лоре, было настоящей, возвышенной любовью, тоже сложно. Просто она была мне интересна, я получал удовольствие, наблюдая за ее жизнью, подслушивая все ее многочисленные и многочасовые телефонные

разговоры, проникая в ход ее мыслей и пытаясь понять ее сущность.

Знал ли я, что когда-нибудь напишу о ней? Конечно, знал. Я и записывал время от времени свои впечатления от увиденного и услышанного, вернее даже сказать — от подсмотренного и подслушанного, собирая материал для романа... Но не предполагал, что полная картина ее молодой жизни сложится в стройный сюжет лишь после ее смерти и что именно ее смерть даст мне возможность наконец в полной мере насладиться своим творчеством, дать волю своей фантазии, эмоциям и смелым, даже дерзким суждениям. Я, мужчина, решил посягнуть на невозможное — понять внутренний мир молодой женщины...»

2

«— Ваша фамилия?

— Казанский. Михаил Львович.

— По паспорту вы — Михаэль.

— Да, это правда. Михаэль — любимое имя моей матери...

— Послушайте, я не спрашиваю, кому пришло в голову назвать вас таким странным именем... Я только спросил вашу фамилию.

— Казанский...

— Я понял. Кем вы приходились Ларисе Ступниковой?

— Никем. Точнее, я был ее соседом. И даже не ее соседом, а соседом ее родителей, Ступниковых.

— Если вы ей никем не приходились, то почему же перед тем как ее убили, буквально за несколько минут, она звонила именно вам, а не своему мужу, к примеру?

— Этого я не знаю. Как не знаю и того, когда именно, в котором часу, была убита Лора.

— Она была убита вчера ночью, около одиннадцати часов вечера. Вам же она позвонила в половине одиннадцатого. И вы с ней разговаривали, я смотрел время и продолжительность звонка...

— Так я и не скрываю.

— Зачем она вам звонила, неужели вам не понятен мой вопрос?!

— Она позвонила, чтобы попросить у меня денег, сказала, ей срочно нужно.

— А не сказала зачем?

— Ей всегда были нужны деньги... На разные женские мелочи. У нее не было больших проблем, которые требовали бы крупных сумм... Да и долгов у нее тоже не было. И, насколько я знаю, ее никто не шантажировал. Ее звонок был обычный, понимаете? И ничего из ряда вон в нем не было...

— Она часто просила у вас денег?

— Не часто, но иногда...

— Она возвращала вам долги?

— Безусловно.

— Вам сколько лет, Казанский?

— Сорок пять.

— Ларисе Ступниковой было двадцать пять.

Скажите прямо — вы были с ней любовниками?

— Нет.

— Какие отношения были между вами, помимо соседских?

— Можно сказать, дружеские... Я знал ее еще школьницей... Ее родители могут это подтвердить.

— А что вы можете рассказать о ее муже?

— Муж как муж. Слабый, безвольный, предрасположенный к суициду молодой человек с параноидальными склонностями... Ему всегда казалось, что Лора от него уходит...

— А что было на самом деле?

— Не знаю. Просто как-то она пожаловалась мне на то, что Гора ревнует ее ко всем подряд...

— Как вы думаете, он мог ее убить?

— Я не думал об этом.

— Лариса Ступникова была убита в квартире своих родителей...

— Как это?.. Ее же нашли во дворе...

— Выстрел был произведен в спальне... То есть получается, что она была дома у родителей, но они были в театре, это проверено... Дверь квартиры была заперта изнутри, но потом кто-то пришел, кому Лариса открыла

дверь, и после того как в нее выстрелили, она была еще жива... И это удивительно, что после такого тяжелого ранения она была в состоянии каким-то образом выбраться из дома... Кровь хлестала фонтаном, вся лестница в крови... Я думаю, что ее убили вы, Михаил, Михаэль... Да у вас на лице написано, что вы виноваты, жаль, что здесь нет зеркала...

Зеркало... Кажется, она говорила что-то о зеркале...

— Почему именно я?

— Да потому, что больше некому, понятно? Родители были в театре, муж — в командировке.

Мне казалось, что именно в ту минуту я был склонен к убийству. К убийству этого следователя, который смотрел на меня, как на преступника, и молот самую настоящую чушь. Да, родители Лоры действительно могли быть в театре, хотя театрами они никогда не были, и вообще это были совершенно заурядные, скучные и неинтересные люди. Но они предъявили следователю билеты на «Травиату». Аля, вернее, Алла Николаевна, опухшая от слез, не своим голосом рассказывала, о чем была эта опера. «О падшей женщине, которая полюбила...» Ее муж, отец Лоры, Валерий Сергеевич, лишь поддакивал. Аля призналась,

икая от плача, что он спал во время спектакля, даже похрапывал и что зрители в соседнем ряду сделали ему замечание. Мне же сама мысль о том, что родителям Лоры требуется алиби, казалась чудовищной, нелепой. Лора была их единственным ребенком, любимой дочерью, и смысл всей их жизни заключался именно в ней. Лора была плодом их любви и получилась красивой, с сильным характером, своенравной, ни на кого не похожей.

Почему следователь решил, что ее убил я? Следователь явно не психолог. Он просто идиот. И он ничего не знал ни о моей жизни, ни о нашей с Лорой жизни (той, что существовала только в моем воображении), ни о жизни Лоры с ее двумя (тремя? может, больше?) мужчинами.

Он сказал, что ее муж, Егор, в командировке. Это не так. И я отлично это знал, как знал многое, касающееся этой семьи. Повторяю, заурядной семьи. Но кто бы мог подумать, какое густое и зловонное варево человеческой жизни кипело здесь и выплескивалось через край, обжигая всех, всех...

Я знал, я чувствовал, что рано или поздно это случится, и кто-то из них двоих, из этих неврастеников, решится на это. Достаточно

крепко выпить и вспомнить ту боль, что причинила Лора, чтобы прийти к ней с пистолетом и выстрелить... В голову. Вероятно, либо Гора, либо Вик, Виктор, ее любовник, можно даже сказать, второй муж, сделали это. Все, вся семья, включая свекровь Лоры, мать Горы, знали о существовании Вика (как и о существовании мальчика по имени Саша, которому она морочила голову вот уже полгода), но жизнь продолжалась...

Снаружи это были всего три окна на первом этаже кирпичного дома, заросшего плющом, а зимой оцетинившегося металлической сеткой с набитыми гвоздями — для этого самого плюща. Или дикого винограда. Я не знаю. Но летом в квартире Ступниковых всегда царил зеленый полумрак. Как в беседке.

А внутри — запущенное жилье: две с половиной комнаты, маленькая кухня, крохотная ванная комната. Пыльная неуклюжая мебель, крашеный пол (тот, кто его красил, даже не потрудился сдвинуть мебель, и видны были мазки краски, криво очерчивающие пианино, диван...), пожелтевшие кружевные занавески на окнах, зеленая толстая бархатная скатерть с пятнами чернил, помады и клея, продавленные кресла. В серванте, за мутны-

ми стеклами — такой же мутный, безрадостный хрусталь.

Когда я в первый раз появился здесь, я и предположить не мог, что это неприглядное и грязненькое жилище станет моим вторым домом. Тем более что я ценю чистоту, порядок, и моем собственном доме все иначе: я просто болен чистотой. Не знаю, обратили ли внимание Ступниковы на выражение моего лица, когда я впервые перешагнул порог их квартиры, но я-то знал, что его исказила гримаса безразличности и отвращения. Я даже не помню, под каким предлогом я попал туда впервые (извините, у вас не найдется луковицы?), но цель моя была ясна и чиста: я хотел поближе рассмотреть Лору.

Их квартира долго пустовала, а я все эти годы много путешествовал, ездил по стране, писал рассказы, статьи и очерки для разных издательств, журналов. Когда же вернулся, то сразу понял, что квартиру купили и в ней поселилась семья. Первое время меня раздражал шум за стеной: передвигали мебель, вколачивали гвозди в стены, иногда работала дрель... Они обустроивались. Потом стало сильно пахнуть краской — вероятно, тогда-то Валерий Сергеевич, отец семейства, и покрасил полы, считая лишним передвигать мебель снова, особенно тяжелое пианино.

С соседями мы познакомились, столкнув-

шись на лестничной площадке, я представился, сказал, что они всегда могут рассчитывать на мою помощь, словом, был любезен, улыбочив, хотя на самом деле ничего, кроме беспокойства, такое соседство не сулило. Обыкновенная средняя семья: Аля, она же Алла Николаевна, стоматолог, сорокалетняя пухлая женщина с копной спутанных густейших соломенных волос, красивыми карими глазами и быстрой картавой речью; Валерий Сергеевич, наладчик на швейной фабрике — крупный брюнет, спокойный, равнодушный, с вечно сонным выражением лица — почему-то нравился женщинам... И только их дочь — семнадцатилетняя Лора освещала все вокруг, заставляла мир вертеться вокруг ее стройных ножек... Невысокая, хрупкая, с тонкой костью, а потому не кажущаяся худой, с очень прямой спиной, как у балерины, белой кожей и густыми, в мать, волосами ярко-медного оттенка. Огромные глаза ее смотрели на мир с вызовом и презрением. Полная верхняя губа, капризная, мягкая, возбуждала мужчин, делала их слепыми, глухими и одновременно страстными, склонными к безумствам и даже суициду. Но обо всем этом я узнал позже... Первое же наше знакомство произошло во дворе, где Лора поджидала мать, чтобы отправиться в магазин за покупками. Солнце играло ее золотыми локонами, длиннющие рес-

ницы медленно поднялись, и Лора посмотрела на меня, вышедшего из дома с мусорным ведром, надменно, как королева Марго.

— Привет, я ваш сосед, меня зовут Михаэль. А тебя?

Я понимал, что старше ее лет эдак на двадцать, но никогда не чувствовал себя зрелым, старым, а потому повел себя с ней, как ровесник. К тому же мне было интересно, как отреагирует на мое приветствие эта маленькая королева.

— Меня зовут Лора. Предки говорили о тебе. Ты — писатель?

— Да... — неуверенно проговорил я, в душе боясь отпугнуть молоденькую, с насмешливым взглядом соседку. Вряд ли ей понравится общаться с человеком, на котором как будто стоит клеймо серьезного писателя. Обыватели склонны думать, что с писателями вообще опасно общаться — поговоришь, а он потом твой разговор быстренько так на бумагу... Или расскажешь какую-нибудь тайну, а он потом впишет ее в свою книгу...

— Интересно. Никогда не видела живых писателей.

— Что, все больше мертвых? — идиотски пошутил я, как шутил уже не один год, слыша подобные реплики.

— Нет, — серьезно произнесла Лора, — и мертвых тоже не видела. И вообще, я не по-